

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Елена Михайлова

В статье рассматривается диалог культур в философии истории Н.А. Бердяева. Проанализировано его понимание культуры как сохранения традиций, памяти о прошлом, творения новых ценностей. Согласно русскому философу, истоки культуры сакральны, ее происхождение благородно, а достижения по природе своей символичны, индивидуальны и неповторимы. Бердяев выделяет периоды развития культуры – органический (творческое осуществление ценностей) и критический (цивилизационное огрубление). В органической культуре он видит два вектора развития – консервативный и творческий. Такой разнонаправленностью объясняется сила и устойчивость культуры. Диалог культур в историософии Бердяева представлен множеством форм, главной из которых является встреча Востока и Запада, или, точнее, православной России и католической Европы. В терминологии Бердяева, диалог культур выглядит как «взаимное восполнение двух опытов и двух путей». Сама идея единения двух христианских религий принадлежит В.С. Соловьеву. Признавая ее, Бердяев критически оценивал способ осуществления диалога, предложенного Соловьевым, – согласование богословской догматики. По Бердяеву, нужно освободиться от культурных стереотипов и взаимно познавать природу религиозно-мистического опыта, чтобы создать пространство для встречи культур. В то время как культура католической Европы переживает состояние «осени», когда творческий порыв ввысь угасает под тяжестью нового мира, православная Россия, с ее «мессианской чувствительностью», способна нести миру братство людей и свободу духа. Сделан вывод, что в начале XX в., в эпоху социальных потрясений, Бердяев призывал к взаимному признанию и обогащению традиций.

Ключевые слова: диалог культур, философия истории, Н.А. Бердяев.

Тверской государственный технический университет

This article explores the dialogue of cultures in the philosophy of history of N.A. Berdyaev. The concept of culture in Berdyaev's historical-philosophical thought is examined, where culture is seen as the preservation of traditions, the memory of the past, and the creation of new values. According to the Russian philosopher, the origins of culture are sacred, its origins are noble, and its achievements are symbolic, individual, and unique in nature. Berdyaev identifies the following periods of cultural development: organic (creative implementation of values) and critical (civilizational coarsening). It is noted that within organic culture, Berdyaev describes two developmental vectors – conservative and creative. This duality, he argues, accounts for the strength and resilience of culture. In Berdyaev's historiography, the dialogue of cultures manifests in various forms. The most prominent is the encounter between East and West, specifically between Orthodox Russia and Catholic Europe. In Berdyaev's terminology, the dialogue of cultures is characterized as the “mutual completion of the two experiences and the two paths”. Special attention is given to the fact that the idea of reconciling the two Christian religions originates from V.S. Solovyov. However, recognizing its significance, Berdyaev critically assessed the method of reconciliation proposed by Solovyov, namely the correction of theological dogmas. According to Berdyaev, it is necessary to free ourselves from cultural stereotypes and mutually explore the nature of religious and mystical experience in order to create a space for the encounter of cultures. He believed that Orthodox Russia, with its “messianic sensitivity,” was capable of bringing brotherhood of man and freedom of spirit to the world. It is concluded that at the beginning of the 20th century Berdyaev called for mutual recognition and enrichment of traditions.

Keywords: dialogue of cultures, philosophy of history, N.A. Berdyaev.

К вопросу о формировании понятия «диалог культур»

Как обычно бывает с масштабными фигурами, трудно дать целостный обзор философских взглядов Николая Александровича Бердяева. Поэтому исследователи фокусируют внимание на том, что близко им самим. В связи с этим возникает эффект, когда более напряженная мысль не возникает в замыкающихся в своей специфике сферах знания, а проходит по их границам. Не является исключением и тема диалога культур. В русле герменевтической традиции философы видят диалог как присутствие вопроса-обсуждения, имманентно обрастающего новыми смыслами (М.М. Бахтин) [1]. В проблематике межкультурной философии диалог обосновывается как место встречи различных точек зрения, ситуативно меняющих вектор мыслительных традиций (А.В. Малинов) [7]. В историософском контексте диалог культур видится как возможность для взаимной рецепции идей (П.С. Гуревич, О.В. Марченко, А.Е. Рыбас) [3; 6; 10]. Культурологов же интересуют традиции взаимовлияния России и Западной Европы (Е.О. Ковалева) [5] и гуманитарно-творческий аспект «встречного движения» культур (М.М. Шibaева) [11].

Несмотря на широту тематизации, понятие «диалог культур» не выглядит перегруженным. Высказывание российских психологов С.Л. Ленкова и Н.Е. Рубцовой наглядно иллюстрирует междисциплинарную солидаризацию ученых в этом вопросе: «Наше авторское осмысление сути информации и информационных процессов, раскрывающихся в особенностях проявления мнений в условиях многообразия парадигм, строится на возможности научного диалога» [9, с. 64].

Тему диалогических отношений принято связывать в первую очередь с именами Мартина Бубера и Михаила Бахтина. В работе М. Бубера «Я и Ты» (1923) изложены мысли о том, что жизнь человека и культуры, в которую он погружен, проходит в диалоге. Диалог осуществляется в пространстве ценностных заповедей Бога, поэтому его природу можно трактовать как созидательную и одновременно спасительную. В афористичной терминологии Бубера диалог культур именуется как «Я – Ты» и протекает следующим образом: каждое *Я* на определенном этапе настаивает «событие-встреча» с *Ты*, которая порождает «процесс-отношение» во времени и пространстве. Если этот «процесс-отношение» непрерывно обновляется, значит, культура процветает, если он угасает, то возникает потребность в новом деянии, в новом «событии-встрече». «При совершении этого центрального сущностного акта культура может смениться другой, которой он сообщит свое сияние, но может обновиться и в себе самой» [2, с. 35].

М.М. Бахтин в статье «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» (1970) пишет о диалоге как о вопрошании о встрече двух культур: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [1, с. 508].

Сегодня коннотативная лексика понятия «диалог» расширяется. Исследователи стараются преодолеть устоявшееся представление о диалоге культур исключительно в контексте толерантности. Признавая главные принципы диалога, выведенные Бахтиным, – открытость сознания участников разговора, готовность к общению «на равных», «раздел голосов», поочередность говорящих субъектов, – нужно предусматривать не только положительный, но и отрицательный коннотат этого явления. Динамика социокультурного развития столь сложна, что может означать как мирное взаимодействие различных культурных форм, так и враждебное непризнание ценностей [4]. Из широкого спектра остановимся на такого рода трактовке: диалог культур есть взаимный обмен традициями, при котором исторически выстроенная система ценностей одного народа неизбежно оказывается на линии пересечения с системой ценностей другого и реагирует на это пересечение по-разному.

Бердяев: культура есть «осуществление новых ценностей»

Погружение в проблемный разговор принято начинать с истории формирования вопроса и выяснения того, как мыслители прошлого оценивали значение и формы межкультурного взаимодействия. Заслуживающие внимания ответы можно найти в историософской мысли Бердяева.

Культура, как она трактуется в сочинениях Бердяева, – это традиции, память о прошлом, творение новых ценностей. Все эти суждения рассеяны по его работам, но в концентрированном виде встречаются в «Философии неравенства» (1923). «Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей», – рефреном звучат слова Бердяева [12, с. 498]. По его мысли, культура родилась из культа. Истоки ее сакральны, происхождение благородно, достижения, по природе своей, символичны, индивидуальны и неповторимы. «Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной» [14, с. 270–271]. Такими образными словами выражает Бердяев свою мысль. В своем зарождении и развитии культура прошла период «органический» (эпоха Античности, Средневековья и Ренессанса) и период «критический» (Новое время). Первому периоду свойственно творческое созидание и раскрытие новых жизненных сил, второму – цивилизационное огрубление, утрата совершенных форм, выработанных ранее. «Культура духовно истощает себя, рассеивает свою энергию. Из стадии “органической” она переходит в стадию “критическую”» [12, с. 501].

В органической культуре Бердяев видит два вектора развития – консервативный и творческий. На первый взгляд, они кажутся прямо противоположными. Однако, когда читаем объяснения Бердяева, эта кажущаяся противоположность исчезает. В работе «О культуре» он замечает: «В культуре действуют два начала: консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и созидающее новые ценности» [14, с. 272]. Схожее суждение имеется в работе Бердяева «Смысл истории» [18, с. 339]. Видимое разночтение не смущает мыслителя, наоборот, этим он объясняет силу и устойчивость культуры.

Для Бердяева органическая культура есть живой процесс, и, как всему живому, ей свойственны циклы: рождение (варварство), развитие (расцвет) и упадничество (новое варварство). О.Д. Маслобоева подчеркивает, что идею органической культуры Бердяев почерпнул из интеллектуальной мысли В.С. Соловьева [8]. Механизм жизненного саморазворачивания культуры рисуется в сочинениях Бердяева на примере греко-римской цивилизации. Только в ее эллинский период начинают вызревать условия для нового, открытого мира. Самодовольный и ограниченный доселе античный мир в эллинскую эпоху испытывает почти мистическую тоску по иным мирам. У Бердяева читаем: «Тогда в искусстве обнаружился прорыв за пределы классического совершенства этого земного мира, придавленного замкнутым куполом небес. И навстречу этой глубокой тоске, которой заболела культура, пришло христианское откровение из самой глубины жизни, из таинственных ее недр» [14, с. 277]. В соответствии с законами цикличности христианство сначала воспринималось как прилив варварства, как тьма. И только спустя несколько веков (Бердяев особо отмечает эпоху Карла Великого) кристаллизировались символические по своей природе достижения христианства. В социальном плане это воинствующий иерархический строй церкви, соподчиненность монархии и папства, школы, университеты; в культурном значении это религиозно-мистический опыт постижения мира.

Как уже говорилось, в динамике культуры, по Бердяеву, наблюдаются внешние и внутренние приливы варварства. Эти приливы способны иметь разную коннотацию: положительную, когда новые культурные формы обновляют учреждения старого мира, и отрицательную, когда культура теряет свой божественный смысл, захлебывается в новых жизненных соках, не может их усвоить. Очевидным примером внешних приливов для Бердяева служит встреча германских племен с традициями античной цивилизации. Внутреннее приливы – под этим словосочетанием Бердяев понимает «перегорание» культуры, когда слишком быстрое ее усложнение и утончение нарушает органическую целостность: появляется усталость и недовольство миром, возникает тоска по иным мирам. В 1923 г. Бердяев дает такую оценку: «Ныне и само христианство стареет, в нем нет уже творческой молодости. Нового же религиозного света еще не видно» [14, с. 277].

Бердяев: диалог культур есть «взаимное восполнение двух опытов, двух путей»

Итак, какие формы диалогических отношений культур интересуют Бердяева? Они довольно разнообразны: встреча языческой и христианской культур, классической и романтической, аристократической и пролетарской, культуры творцов и ее потребителей и др. Сам Бердяев в своей интеллектуальной повседневности не раз демонстрировал попытки примирить антагонизмы. «Примирить» для него означало прежде всего услышать другого, понять разногласия, найти общие суждения. В практическом смысле это выглядело зачастую неутешительно. Однажды Бердяев принимал участие в «народных религиозных собеседованиях», проходивших в конце 1909 г. в Москве в трактире под названием «Яма».

Однако, по его собственному признанию, дискурсивный обмен с представителями разнообразных сект ни к чему не привел. Каждый культист не хотел слышать другого и «защищал какую-то часть истины, взятую не в полноте, а исключительности» [16, с. 172]. Схожим выглядит и другой пример. Вместе с С.Н. Булгаковым Бердяев редактировал журнал «Вопросы жизни». По их замыслу выпуск политического издания должен был стать «местом встречи всех новых течений» [17, с. 388]. В итоге Бердяев вынужден был признаться: «Жили в разных этажах культуры, почти что в разных веках... Синтез был недостаточно органическим и не мог быть прочным» [16, с. 212].

На этом фоне интеллектуально вдумчивым в сочинениях Бердяева видится диалог Востока и Запада, или, если точнее, православной России и католического Запада. Прямой работы на эту тему у него нет, но схожая нить рассуждений проходит рефреном во многих его сочинениях. Бердяев не пользуется термином «диалог культур». Однако в его текстах встречается емкий термин «восполнение культур», например в работе «Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Владимира Соловьева» (1904). Бердяев прямо пишет: «Сама постановка проблемы Востока и Запада предполагает *взаимное восполнение двух опытов и двух путей*» [15, с. 234, курсив мой. – Е.М.]. Идея воссоединения двух миров в христианское «всечеловечество» принадлежит В.С. Соловьеву. Бердяев обобщает: «Но тем и велик Соловьев, в том и значение его, что проблема Востока и Запада – не только его основная проблема, это – основная проблема России, проблема не только русской философии истории, но и русской истории» [15, с. 218].

Восполнение культур может осуществляться разными способами: негативным, поверхностным – на уровне регулятивных соглашений церковных властей и продуктивным, внутренним – в глубинах церковной мистики. Соловьев, по мнению Бердяева, выдвинул прекрасную идею, но остановился на первом способе «восполнения культур» [19]. В заслугу Соловьеву Бердяев ставит выработку двух важных позиций. Первая: идея не «присоединения» христианских церквей, а их «соединения» [15, с. 220]. Вторая: под соединением понимается «взаимовосполнение» сложившихся веками двух односторонних форм христианской культуры – «созерцательно-молитвенной религиозности» Востока и «активно-трудовой» организации Запада [15, с. 221]. Одновременно с этим Бердяев критикует Соловьева за бессмысленную трату сил на публичное участие в спорах формального православия и католичества.

В качестве антитезы Бердяев выдвигает мысль о том, что главная задача восполнения двух культур кроется не в согласовании догматики, а во взаимном познании изначальной мистики богообщения. Трудность здесь связана с пониманием природы мистики, а, следовательно, и в разном отношении к Христу. В католической культуре, согласно Бердяеву, Бог рассматривается как объект, к которому человек стремится внешне, а в православной культуре Бог является субъектом, которого человек принимает в свое внутреннее «Я». Как же можно объединить эти два столь разные культурные подходы – «готическое устремление» к Богу и православное «смирненное поклонение» перед ним? [15, с. 228–229].

Бердяев предлагает для начала освободиться от стереотипов восприятия друг друга и перечисляет наиболее артикулируемые из них: католический Запад – это воинствующий иерархический строй церкви, папство, ересь, а православный Восток – это подчинение церкви государству, негибкая реакция на изменения вокруг. Преодоление стереотипов видится Бердяеву возможным через взаимное познание природы мистики.

Таинственные корни религиозной жизни католического Запада Бердяев предлагает черпать из сочинений св. Франциска Ассизского и св. Терезы. Согласно их рассуждениям, через томление, устремленность и любовь к Христу может быть достигнуто сладострастное состояние «вытягивания вверх». Такие чувства порождают творчество, ментально помогая создавать красоту католической культуры. Как религиозный философ, Бердяев пишет: «Влюбленные рыцари шли в крестовый поход и творили красоту» [15, с. 230]. Оценивая красоту метафоры, нельзя не заметить, что для усиления пафоса своего высказывания он сознательно не отвлекается на множество других факторов, обуславливавших деяния крестоносцев.

Мистика православного Востока, на взгляд Бердяева, хорошо просматривается в сочинениях св. Исаака Сирина, св. Макария Великого, св. Максима Исповедника и св. Серафима Саровского. Рассуждения этих авторов показывают иную природу мистики – не восхождение к Христу, а принятие его внутрь себя. Вот какими словами Бердяев старается подчеркнуть мысль о том, что Восток силен отношением человека к Богу: «На христианском Востоке активность направлена внутрь, на просветление человеческой природы, а не вовне, не на творчество культуры, не на выявление в истории» [15, с. 231].

Поделиться на равных друг с другом правдой, хранящейся в тайных глубинах религиозного опыта, не принимать другую культуру вместо своей, познавать ее как нечто способное стать знакомым, преодолеть вражду – таковы своеобразные мыслительные рецепты Бердяева, делающие возможным диалог культур. Из совокупности вытекает последний вопрос, связанный с пониманием того, на какой стадии развития двух христианских культур окажется возможной их продуктивная встреча. Прямого ответа в сочинениях Бердяева нет, но герменевтическая процедура позволяет вывести некие границы его позиции. Ментально проживающий в трех послевоенных культурах – в революционной России, в побежденной Германии и в победившей/побежденной/и вновь победившей Франции, Бердяев интуитивно чувствовал наступление момента плодотворного *«взаимного восполнения двух опытов, двух путей»*.

Католическая Европа, по наблюдениям Бердяева, переживает состояние «осени культуры». Такую фигуру речи автор использует неоднозначно. С одной стороны, осень есть состояние переживания близости упадка, когда «творческий порыв, имманентно направленный ввысь, пресекается под тяжестью нового мира и перенаправляется вниз» [14, с. 276, 282]. С другой стороны, осень – это утонченная пора вызревания, когда силы и полнота власти над миром еще есть, но новизна будущего уже отсутствует и неотвратим переход в некое состояние, которое «не может уже быть наименовано “культурой”» [18, с. 501]. По приезду в Париж в 1924 г. он не скрывает своих терзаний о духовной утрате запад-

ной культуры: «Но у меня было непреодолимое и горькое чувство, что это умирающий мир великой, но отошедшей культуры» [17, с. 504].

Православная Россия к этому времени, по Бердяеву, переполняется огромной «мессианской чувствительностью», что, собственно, и помогает ей ощущать себя способной нести миру братство людей и свободу духа [16, с. 171, 188]. В замыслах Бердяева, векторная разнонаправленность устремлений обеих христианских культур может помочь одной (европейской) как можно дольше балансировать в пределах своей зрелости, а другой (русской) – наполнить новым смыслом прежние достижения христианства.

Благодаря изложенному, можно зафиксировать мысль о том, что тема культуры и диалогических отношений Востока и Запада своеобразно растекается по текстам Бердяева: от самых ранних его произведений, написанных еще в России («Смысл истории», «Философия неравенства» и др.), до работ эмигрантской поры («Русская идея», «Самопознание» и др.). По мысли Бердяева, исторические традиции повторяются на новом витке событий. Как когда-то христианство положило доброе начало встрече античной и языческой традиций, так восполнение опыта двух христианских культур может оказаться мостиком для новой встречи Востока и Запада, обусловленной новыми обстоятельствами. Косвенным подтверждением является мысль самого философа, высказанная в адрес представителей евразийского течения в статье с аналогичным названием «Евразийство» (1925): «Но они верно чувствуют, что Европа перестает быть монополистом культуры, что культура не будет уже исключительно европейской, что народы Азии вновь войдут в поток мировой истории. *Эта мысль, между прочим, с особенной настойчивостью высказывалась пишущим эти строки*» [13, с. 101, курсив мой. – Е. М.].

В завершение разговора о том, как и в каких формах возможен диалог культур в рецепции Бердяева, нельзя не отметить динамику его взглядов. Русский мыслитель высвечивает проблему границ эпохи как культурного единства и одновременно рисует витиеватую типологию культур. Как субъект, проживающий в моменте своей эпохи, Бердяев оказывается не лишенным противоречивых суждений: «культура движется к смерти» – «культура вечна»; «мучительно не люблю историю» – «ищу смысл истории»; «я человек западной культуры» – «я всегда был универсалистом». Этот дихотомический ряд можно продолжить. Думается, смысловую полноту суждений Бердяева можно раскрыть только на дистанции «большого времени» (термин М.М. Бахтина), которое, возможно, еще только предстоит постичь.

Литература

Исследования

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
2. Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.
3. Гуревич П.С. Н.А. Бердяев в контексте европейской философии // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 13–31.

4. Жукоцкая А.В. «Диалог культур» и «культура диалога» – о взаимных гарантиях и дефицитах // Диалог культур. Культура диалога: Цифровые коммуникации: Мат-лы III Межд. науч.-практич. конф., 29 марта – 02 апреля, г. Москва / отв. ред. Л.Г. Викулова и др. М.: Языки народов мира, 2022. С. 124–130.
5. Ковалева Е.О. Н.А. Бердяев о традиции культурного взаимовлияния России и Западной Европы // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: Восьмой ежегодный сб. науч. тр. преп., асп., магистр, студ. факультета управления и социальных коммуникаций ТвГТУ. В 2 ч. / под общ. ред. И.И. Павлова. Тверь: ТГТУ, 2020. С. 31–36.
6. Малинов А.В. Межкультурное многоголосие в философии. Размышление над книгой // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 34–43.
7. Марченко О.В. Диалог устал // Марченко О.В. Очерки по истории философии. М.: МГУП, 2002. С. 83–90.
8. Маслбоева О.Д. Трактровка «органической функции» культуры в концепции Всеединства – Богочеловечества В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2020. Выпуск 1 (65). С. 45–60.
9. Рубцова Н.Е., Ленёв С.Л. Диалогика роли информационных процессов в инженерной психологии и когнитивной психологии // Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сб. ст. VII Всероссийской конференции с международным участием (31 мая 2024 г.) / под науч. ред. В.А. Мазилова. Ярославль: ЯГПУ, 2024. С. 62–67.
10. Рыбас А.Е. Рецепция философских идей А.А. Богданова на Западе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 4. С. 25–29.
11. Шибаева М.М. К вопросу о гуманитарно-творческом аспекте межкультурной коммуникации // Россия в контексте межкультурных коммуникаций. XX–XXI века. М.: МГИК, 2022. С. 14–24.

Источники

12. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н.А. Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 495–511.
13. Бердяев Н.А. Евразийство // Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1 (I–VI). № 1. Сентябрь 1925 г. М.: ИНФОРМ-ПРОГРЕСС, 1992. С. 101–105.
14. Бердяев Н.А. О культуре // Бердяев Н.А. Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 269–285.
15. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Владимира Соловьева // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/probl_vost_i_zap. С. 214–241.
16. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997.
17. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1997.
18. Бердяев Н.А. Смысл истории // Бердяев Н.А. Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 304–495.

19. Соловьев В.С. Догматическое развитие церкви (в связи с вопросом о соединении церквей). СПб.: Алетейя, 1994.

Mikhailova, Elena E. *Dialogue of cultures in N.A. Berdyaev's philosophy of history*

References

1. Bakhtin, M.M. (1986), *Literaturno-kriticheskie statyi* [Literary Critical Articles], Khudozhestvennaya literatura, Moscow (in Russian).
2. Buber, M. (1993), *Ya i Ty* [I and Thou], Vysshaya shkola, Moscow (in Russian).
3. Gurevich, P.S. (2015), N.A. Berdyaev in the context of European philosophy, *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, no. 3 (37), pp. 13–31 (in Russian).
4. Zhukotskaya, A.V. (2022), Dialogue of “cultures” and “culture of dialogue” – about mutual guarantees and deficits, in: Vikulova, L.G. (ed.), *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Tsifrovye kommunikatsii* [Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: Digital Communications], Yazyki narodov mira, Moscow, pp. 124–130 (in Russian).
5. Kovaleva, E.O. (2020), Berdyaev about the tradition of cultural mutual influence of Russia and Western Europe, in: Pavlov, I.I. (ed.), *Problemy upravleniya v sotsial'no-gumanitarnykh, ekonomicheskikh i tekhnicheskikh sistemakh* [Problems of management in social, humanitarian, economic and technical systems], Tver State Technical University, Tver, pp. 31–36 (in Russian).
6. Malinov, A.V. (2023), Intercultural polyphony in philosophy. Reflection on a book, *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 34–43 (in Russian).
7. Marchenko, O.V. (2000), The dialogue is tired, in: Marchenko, O.V. *Ocherki po istorii filosofii* [Essays on the History of Philosophy], Moscow State University of Printing Arts, Moscow, pp. 83–90 (in Russian).
8. Masloboeva, O.D. (2020), Interpretation of the “organic function” of culture in V.S. Solovyov's concept of All-Unity – God-Humanity, *Solovyovskie issledovaniya*, no. 1 (65), pp. 45–60 (in Russian).
9. Rubtsova, N.E., & Lenkov, S.L. (2024), Dialogic of the role of information processes in engineering psychology and cognitive psychology, in: Mazilov, V.A. (ed.), *Integratsiya v psikhologii: teoriya, metodologiya, praktika* [Integration in psychology: theory, methodology, practice], Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, pp. 62–67 (in Russian).
10. Rybas, A.E. (2010), Reception of A.A. Bogdanov in the West, *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 25–29 (in Russian).
11. Shibaeva, M.M. (2022), On the issue of the humanitarian and creative aspect of intercultural communication, in: *Rossiya v kontekste mezhkul'turnykh kommunikatsiy. XX–XXI vek* [Russia in the Context of Intercultural Communications. XX–XXI centuries], Moscow Humanitarian Institute of Culture, Moscow, pp. 14–24 (in Russian).